

А ну-ка удиви!

Современные дети, которым мало что интересно

Алина Черноиванова |

«ПОСЛЕ каникул в школу не вернусь», — пишет Леша однокласснице Катерине. Катя просматривает видео на YouTube, поэтому я зачитываю очередное его SMS вслух. До этого Леша интересовался, кого любит Катерина («Маму»), почему не отвечает на его сообщения (которые нередко приходят после полуночи) и как ему исправиться, чтобы Катя начала с ним встречаться («Леша, я маленькая, чтобы с кем-то встречаться»).

«Переходишь в другую школу?» — набираю согласованный вопрос. У Леша легкая дислексия, буквы в его SMS путаются, но пришедший спустя несколько секунд ответ читается однозначно: «Прыгну с крыши». Всерьез напрягаюсь, судорожно вспоминая, если у меня телефон Лешиних родителей. Леша, почему??? «Скучно жить», — приходит спустя секунды шокирующий ответ.

Кате и Леше по 11 лет.

Осторожно продумываю следующее SMS. Это уже мое сообщение. Я только зачитываю готовый ответ, чтобы Катя была в курсе, как она отвечает однокласснику: «Леша, у нас вся жизнь впереди! Столько новых открытий, стран, людей!» Сообщения возвращаются потоком: «Я все уже видел». «Все было». «Все скучно». Ансамбль, в котором Леша играл, закрылся. Некая 14-летняя «любовь» с Лешей порвала. «Одна была надежда» — на Катину взаимность, но Катерина оказалась не готова к отношениям.

После каникул Леша в класс действительно не вернулся. Родители перевели его в другую, более сильную школу. Но Лешина мама успокоила меня. «Ох, выдумщик, — с улыбкой отмахнулась она. — И ничего не закрылось, наоборот, у него теперь еще меньше свободного времени: спорт, театр, музыкалка, по фестивалям постоянно мотается...»

Но я все чаще думаю, может быть, Леша отчасти был прав. Может, мы, взрослые, обманываемся насчет детей. Может быть, им и вправду скучнее, чем нам...

Вспоминаю первый Катин полет на самолете. Признаюсь, ждала настоящего восторга. Но нет. Пятилетняя девочка вела себя так, будто лететь над облаками, все равно что ехать на автобусе. Такое, знаете ли, повседневное дело.

В шесть лет Катя впервые выехала за границу: я повезла ее в Испанию. И что? Главные впечатления — Сальвадор Дали. Нет, не его творчество, а рассказы об эпатажных выходках сюрреалиста и, собственно, пляски Кати на могиле художника. Дали похоронен в крипте под сценой Театра-музея в Фигерасе и якобы сам завещал оказаться в могиле так, чтобы по его праху

могли ходить посетители театра, но не будучи до конца уверенными, что именно по нему они и ходят.

В семь лет я потащила Катерину в Петербург. Когда мы поднимались к куполу Исаакиевского собора, она нетерпеливо пыталась обсудить со мной, как и с кем будет праздновать день рождения. Через три

месяца! Она довела меня до слез. Я привезла ребенка в один из красивейших городов никак не для того, чтобы обсуждать программу праздничного события. Мы долго еще бродили по центру города, якобы пытаясь найти метро. Сначала я его на самом деле потеряла, но, воспользовавшись недолгим замешательством, затащи-

ла Катерину в Пушкинский музей. Вконец уставшие, мы шли к Невскому. «Когда ты вырастешь и повезешь меня куда-нибудь, ты тогда делай что хочешь, — с грустью сказала я ей. — Я тогда сама буду бродить по интересным местам...» «Ну что ты, мама, — с той же грустью ответила она. — Как же я тебя одну отпущу».

Все то же было и в храмах древнего Иерусалима, и в Третьяковской галерее, и на дюнах Куршской косы. Катерину куда больше удивляет, что когда-то у нас не было мобильных телефонов, чем то, что 500 лет назад люди были уверены, что Земля — центр Вселенной.

— Как же вы общались? — Письма писали. — А по Skype? — Интернета же не было. — Как не было? Вообще-вообще? — Вообще. Знаешь, какой первый компьютер у меня был? Программы на кассетах запускали. — Дадно! Что такое кассеты?

Сейчас между нами действует открытый договор. Катерина делает все возможное, чтобы сделать вид, что ей интересно. Я делаю все возможное, чтобы не расстраиваться от того, что все это для нее довольно таки привычно. Она делает вид, что внимательно слушает мои рассказы. Я же надеюсь, что все это тем не менее впитает ее память и отпечатается в ее подсознании, чтобы когда-нибудь в будущем сыграть в ее же пользу.

Я долго думала, это исключительная особенность Кати. Невосприимчивость, что ли. Возможно, избалованность. Но, наблюдая за детьми из разных социальных слоев, с разным бэкграундом, я все чаще подозреваю, что способность удивляться миру прежде всего способность взрослого человека. Для ребенка скрученная в кольцо сосна на Куршской косе просто кривое дерево. Для нас — причуда природы, возникшая в конкретном месте при определенном стечении природных данных, предмет ритуального поклонения древних жителей косы. Иерусалим для Кати просто город со старыми зданиями и храмами. Для меня — святыня трех религий, сама история, Библия в камне. Мона Лиза — просто нарисованная женщина. Самолет — средство передвижения. Океан — просто вода. Земля — просто земля. Просто данность, которую познает Катерина. Не открывает, а пока только познает.

Сейчас я почти уверена, что когда-нибудь она сможет по-настоящему удивиться всему тому, что удивляет меня. Хотя бы потому, что каждый взрослый способен удивиться, какими большими ему когда-то казались и дом, где он вырос, и дерево у подъезда, и мир, который ему только предстояло открыть.

«ЛЕША, У НАС ВСЯ ЖИЗНЬ ВПЕРЕДИ!
Столько новых открытий, стран, людей!»
Сообщения возвращаются потоком:
«Я все уже видел». «Все было».
«Все скучно»